

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Русская народная сказка

Царь - девица

В некотором царстве, в некотором государстве был купец; жена у него померла, остался один сын Иван. К этому сыну приставил он дядьку, а сам через некоторое время женился на другой жене, и как Иван, купеческий сын, был уже на возрасте и больно хорош собою, то мачеха и влюбилась в него.

Однажды Иван, купеческий сын, отправился на плотике по морю охотничать с дядькою; вдруг увидели они, что плывут к ним тридцать кораблей. На тех кораблях была царь–девица с тридцатью другими девицами, своими названными сестрицами. Когда плотик сплылся с кораблями, тотчас все тридцать кораблей стали на якорях. Ивана, купеческого сына, вместе с дядькою позвали на самый лучший корабль; там их встретила царь–девица с тридцатью девицами, названными сестрицами, и сказала Ивану, купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться.

Тут они и обручились.

Царь–девица наказала Ивану, купеческому сыну, чтобы завтра в то же самое время приезжал он на это место, распростилась с ним и отплыла в сторону. А Иван, купеческий сын, воротился домой, поужинал и лег спать. Мачеха завела его дядьку в свою комнату, напоила пьяным и стала спрашивать: не было ли у них чего на охоте? Дядька ей все рассказал. Она, выслушав, дала ему булавку и сказала:

— Завтра, как станут подплывать к вам корабли, воткни эту булавку в одежду Ивана, купеческого сына.

Дядька обещался исполнить приказ.

Поутру встал Иван, купеческий сын, и отправился на охоту. Как скоро увидал дядька плывущие вдали корабли, тотчас взял и воткнул в его одежду булавочку.

— Ах, как я спать хочу! — сказал купеческий сын. — Послушай, дядька, я куда лягу да сосну, а как подплывут корабли, в то время, пожалуйста, разбуди меня.

— Хорошо! Отчего не разбудить?

Вот приплыли корабли и остановились на якорях; царь–девица послала за Иваном, купеческим сыном, чтоб скорее к ней пожаловал; но он крепко–крепко спал. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни делали — не могли разбудить; так и оставили.

Царь–девица наказала дядьке, чтобы Иван, купеческий сын, завтра опять сюда же приезжал, и велела подымать якоря и паруса ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернул булавочку, и Иван, купеческий сын, проснулся, вскочил и стал кричать, чтоб царь–девица назад воротилась. Нет, уж она далеко, не слышит.

Приехал он домой печальный, кручинный.

Мачеха привела дядьку в свою комнату, напоила допьяна, повыспросила все, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку.

На другой день Иван, купеческий сын, поехал на охоту, опять проспал все время и не видал царь–девицы; наказала она побывать ему еще один раз.

На третий день собрался он с дядькою на охоту; стали подъезжать к старому месту; увидали — корабли вдали плывут, дядька тотчас воткнул булавочку, и Иван, купеческий сын, заснул крепким сном. Корабли приплыли, остановились на якорях; царь–девица послала за своим нареченным женихом, чтобы к ней на корабль пожаловал. Начали его будить всячески, но что ни делали — не могли разбудить.

Царь–девица уведала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану, купеческому сыну, чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы ее за тридевять земель, в тридесятом царстве.

Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море, дядька выдернул из одежды Ивана, купеческого сына, булавочку, и он проснулся, начал громко кричать да звать царь–девицу; но она была далеко и ничего не слыхала.

Дядька подал ему письмо от царь–девицы; Иван, купеческий сын, прочитал его, выхватил свою саблю острую и срубил злому дядьке голову, а сам пристал поскорее к берегу, пошел домой, распрощался с отцом и отправился в путь–дорогу искать тридесятое царство.

Шел он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — приходит к избушке; стоит в чистом поле избушка, на куричьих голяшках повертывается. Взошел в избушку, а там баба–яга костяная нога.

— Фу–фу! — говорит. — Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?

— Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба–яга, тридесятого царства?

— Нет, не ведаю! — сказала ягая и велела ему идти к своей средней сестре: та не знает ли?

Иван, купеческий сын, поблагодарил ее и отправился дальше; шел, шел, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, приходит к такой же избушке, взошел — и тут баба–яга.

— Фу–фу! — говорит. — Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?

— Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, где тридесятое царство?

— Нет, не знаю! — отвечала ягая и велела ему зайти к своей младшей сестре: та, может, и знает. — Коли она на тебя рассердится да захочет съесть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко играй, в другую погромче, а в третью еще громче.

Иван, купеческий сын, поблагодарил ягую и отправился дальше.

Шел, шел, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец увидал избушку — стоит в чистом поле, на куричьих голяшках повертывается; взошел — и тут баба–яга.

— Фу–фу! Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел! — сказала ягая и побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя.

Иван, купеческий сын, выпросил у ней три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью еще громче. Вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар–птица.

— Садись скорей на меня, — сказала жар–птица, — и полетим, куда тебе надобно; а то баба–яга съест тебя!

Только успел сесть на нее, прибежала баба–яга, схватила жар–птицу за хвост и выдернула немало перьев.

Жар–птица полетела с Иваном, купеческим сыном; долгое время неслась она по поднебесью и прилетела, наконец, к широкому морю.

— Ну, Иван, купеческий сын, тридесятое царство за этим морем лежит; перенести тебя на ту сторону я не в силах; добирайся туда, как сам знаешь!

Иван, купеческий сын, слез с жар–птицы, поблагодарил и пошел по берегу.

Шел, шел, — стоит избушка, взошел в нее; повстречала его старая старуха, напоила–накормила и стала спрашивать: куда идет, зачем странствует? Он рассказал ей, что идет в тридесятое царство, ищет царь–девицу, свою суженую.

— Ах! — сказала старушка. — Уж она тебя не любит больше; если ты попадешься ей на глаза — царь–девица разорвет тебя: любовь ее далеко запрятана!

— Как же достать ее?

— Подожди немножко! У царь–девицы живет дочь моя и сегодня обещалась побывать ко мне; разве через нее как–нибудь узнаем.

Тут старуха обернула Ивана, купеческого сына, булавкою и воткнула в стену.

Ввечеру прилетела ее дочь. Мать стала ее спрашивать: не знает ли она, где любовь царь–девицы запрятана?

— Не знаю, — отозвалась дочь и обещала допытаться про то у самой царь–девицы.

На другой день она опять прилетела и сказала матери:

— На той стороне океана–моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь–девицы!

Иван, купеческий сын, взял хлеба и отправился на сказанное место; нашел дуб, снял с него сундук, из него вынул зайца, из зайца утку, из утки яйцо и воротился с яичком к старухе.

Настали скоро именины старухины; позвала она к себе в гости царь–девицу с тридцатью иными девицами, ее названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана, купеческого сына, срядила по–праздничному и спрятала.

Вдруг в полдень прилетают царь–девица и тридцать иных девиц, сели за стол, стали обедать; после обеда положила старушка всем по простому яичку, а царь–девице то самое, что Иван, купеческий сын, добыл. Она съела его и в ту ж минуту крепко–крепко полюбила Ивана, купеческого сына.

Старуха сейчас его вывела; сколько тут было радостей, сколько веселья! Уехала царь–девица вместе с женихом — купеческим сыном в свое царство; обвенчались и стали жить, да быть, да добро копить.